

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

Измена
МОЕГО МУЖА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗАПАХ ЕЕ ВОЛОС

18+

Александра Ветрова

**Измена моего мужа.
Запах её волос**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Измена моего мужа. Запах её волос / А. Ветрова — «Автор»,
2026

Одна случайная командировка мужа разрушила три года брака. Я нашла в его пиджаке длинный рыжий волос — я брюнетка. Тишина в трубке, когда он говорит, что «задерживается», стала моей новой реальностью. Но самое страшное не измена. Самое страшное — когда он приходит домой и смотрит на меня её глазами.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ветрова

Измена моего мужа. Запах её волос

Пролог. Она

Я всегда знала, что мужчины уходят.

Не от хорошей жизни — от хорошего секса не уходят. От уюта, от домашних пирогов, от твоего смеха, когда ты в его футболке и с пучком на голове — тоже не уходят. Уходят от скуки. От предсказуемости. От того, что приелось.

Я не боялась, что он уйдёт.

Я боялась, что он останется — и мне придётся делать вид, что я не чувствую запах.

Всё началось с волоса. Один. Рыжий. Не мой. Я брюнетка с детства, и даже если бы вдруг обезумела и выкрасилась — медь не берет мои волосы. Они чёрные, как грех, который я пока не совершила.

Я нашла его в пиджаке. Внутренний карман. Тот самый, куда он клал зажигалку. Я не искала. Рука сама скользнула внутрь, когда вешала пиджак в шкаф — сухая чистка, он просил отнести завтра.

Волос обвился вокруг моего указательного пальца, как кольцо.

Три года брака. Шесть лет вместе. И один волос, который разрушил всё, потому что правда не в признаниях. Правда в деталях, которые ты не можешь подделать.

Я не заплакала.

Я села на пол в прихожей с этим пиджаком на коленях и просто смотрела на рыжий завиток. Он был длинным. Не таким, как у стриженных любовниц из дешёвых сериалов. Волос падал с плеч. Я знала. Женщина с волосами до лопаток. Или длиннее. И он проводил по ним пальцами. Наверное, медленно. Наверное, с тем же лицом, с каким гладил меня по голове в тот самый вечер, когда я заболела и он принёс чай.

Чай.

Он принёс чай с мятой, а потом ушёл в душ. Я слышала, как шумит вода. Долго. Слишком долго для мужчины, который обычно моется три минуты.

Я тогда подумала: устал. Работа.

Господи, какая же я была дура.

Не устал. Отмывался.

Я не спала в ту ночь. Лежала рядом, смотрела в потолок, слушала его дыхание. Ровное. Спокойное. Он улыбался во сне. Мой муж. Тот, кто клялся, что ненавидит ложь. Тот, кто сказал на свадьбе: «Я буду смотреть только на тебя, потому что ты единственная, кого я хочу видеть».

Он врал.

Или не врал тогда. Может быть, я просто перестала быть единственной.

Рыжий волос я не выбросила.

Я положила его в маленький конверт, который купила в магазине для скрапбукинга. Иронично. Конверт был с сердечками. Детские сердечки и доказательство того, что мой мир треснул.

Утром он ушел на работу. Поцеловал в висок. Спросил, что на ужин. Сказал, что «сегодня точно постараюсь пораньше».

Раньше.

Я рассмеялась. Он не понял. Спросил, что смешного. Я ответила: «Ничего. Просто я вспомнила анекдот».

Он улыбнулся. Его улыбка была прежней. Теплой. С морщинками у глаз.

Я подумала: чёрт, он даже не чувствует вины. Или чувствует, но научился это прятать. Или я просто разучилась его читать.

Через три дня я нашла второе доказательство.

Не волос. Не чужую помаду на воротнике. Не смятый чек из отеля.

Я нашла запах.

Он пришел с работы. Поздно. В двенадцать. Я не спала — сидела на кухне, пила холодный кофе. Он сказал: «Ты чего не в постели?» Я ответила: «Ждала тебя».

Он подошёл. Обнял. Вдохнул запах моих волос — он всегда так делал, утыкался носом в макушку, и я таяла. Раньше таяла.

Сейчас я вдохнула его.

Пиджак — сухой табак, кофе, его одеколон. Шея — кожа и что-то цитрусовое, это его гель для душа. А вот воротник рубашки.

Там пахло по-другому.

Магнолия. Мед. И чуть-чуть — дым. Не сигаретный, другой. Может быть, ароматическая палочка. Может быть, её кондиционер для волос.

Я узнала этот запах. Потому что однажды, год назад, в торговом центре, девушка-консультант брызнула пробник мне на запястье. Дорогие духи. С нотами магнолии и мускуса.

Я не купила. Дорого. И не мое — слишком сладкое, слишком... женственное.

Он прижал меня к себе крепче. Я замерла. Мышцы спины одеревенели. Он спросил: «Ты какая-то напряжённая. Случилось что-то?»

Я посмотрела в его глаза. Серые. Ледяные. С красивой радужкой, в которой я тонула шесть лет.

В них не было ничего, кроме усталости и привычной нежности.

— Ничего, — улыбнулась я. — Просто день тяжёлый.

Он кивнул. Пошёл в душ. Через минуту я услышала, как льётся вода. Снова долго. Снова слишком тщательно.

Я сидела на кухне и смотрела на его пустой стакан. На дне — капли виски. «Помогает расслабиться», — сказал он. Интересно, с кем он расслаблялся до этого?

Я не ревновала.

Я чувствовала, как во мне умирает что-то, что называлось «мы». Не с грохотом. Не со скандалом. Тихо. Как выключают свет в комнате, когда выходят и забывают закрыть дверь.

Самое страшное произошло на десятый день.

Он вернулся домой. Ничего не предвещало. Я готовила пасту — он любил с морепродуктами. Он прошёл на кухню, сел за стол, взял телефон. Я мельком глянула в экран — смс, от кого-то, сохраненного как «М. К.»

Ничего криминального. «Спасибо за вечер. Ты не представляешь, как я скучала».

Он прочитал. Убрал телефон в карман. Посмотрел на меня.

И вот здесь случилось то, от чего у меня отнялись пальцы.

Он смотрел на меня её глазами.

Я не знаю, как это объяснить. Но в его взгляде появилось что-то чужое. Не его интонация в молчании. Не его — долгое, оценивающее, тёплое и одновременно холодное скольжение по моему лицу.

Он смотрел так, будто сравнивал.

И находил меня — меньшей.

Не хуже. Просто — не ту.

Я отвернулась к плите. Руки дрожали. Я взяла нож, чтобы нарезать хлеб, и вдруг поняла, что если не заговорю, то разревусь.

— Как прошёл день? — спросила я.

— Нормально, — он встал, подошёл сзади, обнял за талию. — Ты пахнешь базиликом.

— Потому что я готовлю.

— Я знаю.

Он поцеловал меня в плечо. Губы — сухие, горячие. Я закрыла глаза.

В моей голове рыжая женщина смеялась.

Я представила её. Высокая. Длинные волосы — может быть, вьющиеся. Пахнет магнолией и дорогой похотью. У неё нет растяжек на животе. Она не потеряла форму после родов, которых у нас не было, но я боялась, что когда-нибудь они будут, и он перестанет хотеть меня. У неё, наверное, идеальная грудь. И она умеет стонать так, как я не умею.

Он развернул меня лицом к себе. Взял за подбородок. Внимательно посмотрел в глаза.

— Ты какая-то бледная, — сказал он. — Устала?

— Да, — ответила я. — Устала.

Он погладил меня по щеке. Я не чувствовала его прикосновения. Слишком много мыслей. Слишком больно.

А потом он сказал фразу, которую я запомню до конца жизни:

— Кстати, меня снова отправляют в командировку. На три дня. В четверг уезжаю.

В четверг.

Сегодня был вторник.

Я кивнула. Улыбнулась. Спросила, куда. Он назвал город. Тот самый, где в прошлый раз «был на переговорах».

— Хорошо, — сказала я. — Соберу тебе сумку.

Он улыбнулся. Поцеловал в лоб.

Я не спала всю ночь. Не плакала. Просто лежала и слушала, как он спит. Внутри меня что-то щёлкнуло. Как защёлка на чемодане, который закрывают навсегда.

На следующий день я позвонила частному детективу.

Дорого. Но дешевле, чем иллюзия счастливого брака.

— Фамилия, имя, — спросил сухой голос в трубке.

— Я скажу, — ответила я. — Но сначала вы должны понять одну вещь. Мне не нужны доказательства для суда. Мне нужна правда. Даже если она меня убьёт.

— Это моя работа, — ответил он.

Я назвала имя мужа. Детектив обещал отчёт через неделю.

А через три дня он уехал в командировку.

Я стояла у окна, смотрела на его машину, выезжающую со двора. Дождь. Холодный. Сентябрь.

На подоконнике лежал конверт с рыжим волосом.

Я взяла его, поднесла к носу.

Ничем не пах. Только бумага и пыль.

Но мне казалось, что я слышу магнолию.

Я открыла ноутбук. Зашла в его почту — я знала пароль. Никогда не лазила. Никогда.

Первое письмо от «М. К.»:

«Ты уехал, а я все ещё чувствую запах твоего парфюма на подушке. Это безумие. Я никогда не думала, что буду писать такое. Приезжай скорее. Твоя. М.»

Твоя.

Я захлопнула крышку ноутбука так сильно, что треснула клавиша.

Моя рука не дрожала.

Внутри стало пусто. Идеально. Как в операционной перед тем, как хирург делает первый разрез.

Самое страшное не измена, Мира. Самое страшное — когда ты смотришь на человека, которого любишь, и понимаешь, что он уже не твой. Он даже не предатель. Он просто — другой.

Тот, кто лжёт тебе в глаза. И спит с ней. И в следующий раз приедет домой и, возможно, снова посмотрит на тебя её глазами.

А ты сделаешь вид, что ничего не заметила.
Потому что правда слишком дорого стоит.
Но у меня нет выбора.
Я хочу знать, как её зовут.
Я хочу знать, как пахнут её волосы.
И я хочу посмотреть в глаза женщине, которая забрала моего мужа, даже не попросив разрешения.

Глава 2. Она. Продолжение

Три дня в пустой квартире — это не свобода.

Это пытка тишиной.

Я ходила из комнаты в комнату, трогала его вещи, вдыхала его запах с подушки. А потом брала телефон и перечитывала сообщения, которые детектив прислал уже через сутки после отъезда мужа.

«Ваш муж вылетел рейсом 784 в Краснодар. В аэропорту его встречала женщина. Прилагаю фото.»

Я открыла снимок.

Она стояла у выхода из зоны прилета. Тёмные джинсы, бежевый плащ, волосы распущены — рыжие, как медь, как огонь, как тот волос, что спал в конверте с сердечками.

Лица не разобрать — она полуотвернулась, поправляла сумку на плече. Но он. Мой муж. Он подошёл к ней так, будто возвращался домой. Не чужой женщине. Не любовнице.

Своей.

Он обнял её за талию. Она — его за шею. Я увеличила снимок. Пальцы у нее длинные, ногти темно-вишневые. Он целовал её в висок — тем же жестом, каким каждое утро целовал меня.

Висок.

Господи, как же это по-дурацки больно — не измена, а повторение.

Он использует те же жесты. Ту же нежность. Ту же ложь, упакованную в привычные движения. Я для него — отработанная программа. А она — новая версия. С обновлённым интерфейсом и рыжими волосами.

Я не плакала.

Я включила чайник. Сделала себе кофе. Села на пол в гостиной — почему-то именно на полу легче думалось. Поставила чашку на ковёр. Включила ноутбук.

Второе сообщение от детектива пришло через час:

«Имя: Карина Ветрова. 29 лет. Не замужем. Работает в компании, которая является партнёром фирмы вашего мужа. Познакомились полгода назад на деловой встрече.»

Полгода.

Я закрыла глаза. Полгода он врал мне. Полгода вставал с её постели и приходил в мою. Полгода я готовила ему ужин, стирала рубашки, массировала спину, когда он жаловался на усталость, — и всё это время он пах ею.

Полгода я была второй.

Нет. Первой. По документам. По кольцу на пальце. По тому, что его мать звонила мне и спрашивала, кого пригласить на Новый год.

Но в постели, наверное, я была уже не первой.

Я открыла Instagram. Нашла её. Карина Ветрова. Профиль закрытый, но аватарка — она на фоне моря, в соломенной шляпе, улыбается. Рыжие волосы развеваются.

Красивая.

Чёрт бы побрал эту красоту.

Я хотела написать ей. Что-то злое, острое, как скальпель. Но пальцы застыли над клавиатурой. Что я скажу? «Отдай моего мужа»? Он не вещь. И он уже не мой. Он сам выбрал — не меня.

Разница лишь в том, что я узнала об этом раньше, чем он собрался уходить.

Или не собирался?

Может быть, он хотел и то, и другое. Меня — для уюта. Её — для огня. Дом, где пахнет пирогами, и постель, где пахнет магнолией.

Я сделала глоток кофе. Горький. Переваренный.

В этот момент зазвонил телефон.

Я посмотрела на экран. Муж.

— Алло, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно.

— Привет, — его голос был мягким, чуть хрипловатым. Устал, наверное. Или только что проснулся. Или только что... нет. Не надо. — Скучаешь?

— Да, — солгала я.

— Я тоже. Там холодно. А ты как?

— Нормально. Ужин приготовила. Твой любимый.

Пауза.

Обычно в этой паузе он говорил: «Жаль, что я не с тобой». Но сейчас он молчал. Я слышала, как на заднем плане играет музыка. Не его плейлист. Не наш. Какой-то джаз. Она включала джаз?

— Ты где? — спросила я.

— В номере, — ответил он слишком быстро. — Только вернулся с ужина.

С кем?

Я не спросила. Не имела права. Не потому что не могла — потому что правда уже жила во мне, и её подтверждение не нуждалось в новых доказательствах.

— Ложись спать, — сказала я. — Завтра трудный день.

— Ты заботливая, — он улыбнулся. Я услышала эту улыбку. Та же улыбка, что грела меня три года.

Интересно, ей он тоже так улыбается?

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответила я.

Я не повесила трубку. Он повесил первым.

Три гудка. И тишина.

Я сидела на полу и смотрела на фотографию, где он обнимает её в аэропорту. Джаз на заднем плане. Ужин, на который его пригласили, наверное, без пиджака. Рукава рубашки закатаны. И она напротив — с бокалом красного вина, смеётся, заправляет рыжую прядь за ухо.

Я представила эту картину так ясно, словно стояла за стеклом.

Больше всего на свете я хотела разбить это стекло. Войти. Сесть между ними. Посмотреть ей в глаза и спросить: «Тебе не стыдно?»

Но она бы улыбнулась. И сказала бы: «А тебе не стыдно быть такой удобной?»

Потому что удобные жены не задают вопросов. Они ждут. Готовят ужин. Стирают рубашки с чужим запахом. И молчат, когда муж смотрит на них чужими глазами.

Я больше не хотела быть удобной.

Я взяла телефон. Набрала детектива.

— Алло? — его голос звучал сонно.

— Мне нужна её квартира. Адрес. И её привычки. Где бывает, с кем, когда возвращается домой.

— Это будет дороже.

— Я заплачу.

— Хорошо. Через два дня всё будет.
Я сбросила вызов. Поставила пустую чашку на подоконник. Рядом лежал конверт с волосом. Я взяла его, открыла, достала рыжий завиток.
Положила на ладонь.
Он казался живым. Тонким. Чужим.
— Привет, Карина, — сказала я пустоте. — Ты даже не знаешь, кто я. Но скоро узнаешь.
В зеркале напротив отражалась женщина с чёрными волосами. Бледная. В растянутой футболке мужа — той самой, которая пахла стиральным порошком и отчаянием.
Она не плакала.
Она улыбалась.
Потому что иногда самое страшное оружие — это тишина. И самый опасный враг — это женщина, у которой больше нечего терять.

Через два дня он вернулся.
Я встретила его в прихожей. Как всегда. С улыбкой. С поцелуем.
— Как командировка? — спросила я.
— Успешно, — он снял пальто. Я взяла его, повесила в шкаф. Вдохнула запах. Магнолия. Мед. И что-то ещё. Мокрые волосы? Дождь. Или её постель.
— Скучал? — спросила я, глядя ему в глаза.
Он посмотрел на меня. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то. Вина? Облегчение, что дома тихо и никто не задаёт вопросов?
— Очень, — сказал он. И поцеловал меня.
Губы его пахли мятой. Жвачка. Чтобы перебить другой вкус.
Я ответила на поцелуй. Провела рукой по его щеке, по шее, ниже.
Он напрягся.
Всего на мгновение. Но я почувствовала.
— Устал? — спросила я.
— Да, — он улыбнулся, отстранился. — Поесть что-нибудь осталось?
— Конечно.
Он ушел на кухню. Я осталась в прихожей. Открыла шкаф. Достала его пальто. Сунула руку во внутренний карман.
Пусто.
Ни волос. Ни зажигалки. Ничего.
Аккуратно.
Научился.
Я закрыла шкаф. Прошла на кухню. Он сидел за столом, ел суп, листал телефон. Я села напротив.
— Как там погода?
— Холодно, — не поднимая глаз.
— Дождь был?
— Да. Вчера.
Вчера.
Вчера он был с ней. И шёл дождь. Может быть, она укрывала его своим плащом по дороге от машины до подъезда. Или он бежал под дождём к такси, а она смотрела вслед.
Я представила.
И мне стало смешно.
Не горько. Смешно. Потому что я сижу напротив мужа, который ел мой суп, спал в моей постели — и врал мне каждой клеткой.

А я делала вид, что верю.

— Я хочу съездить к маме на выходные, — сказала я.

Он поднял глаза. В них — облегчение. Она не заметила. Или заметила? — подумал он.

— Конечно, — сказал он слишком тепло. — Отдохни. Ты заслужила.

— Да, — я улыбнулась. — Заслужила.

Я встала, убрала тарелку. Он смотрел мне в спину.

Я чувствовала его взгляд.

Чужой. Её.

Я выключила свет на кухне и пошла в спальню. Он пошел за мной.

— Мира, — окликнул он.

Я обернулась.

— Я люблю тебя, — сказал он.

В моей голове что-то щёлкнуло. Оборвалось. Как струна.

— Я знаю, — ответила я.

Я не сказала «я тебя тоже». Потому что это была бы ложь. А я ненавижу ложь.

Так же сильно, как ненавижу запах магнолии на шее моего мужа.

Ночью я не спала. Смотрела в потолок. Он спал рядом. Иногда его рука находила меня во сне — он притягивал к себе, бормотал что-то неразборчивое.

Я лежала, не двигаясь.

Телефон на тумбочке вибрировал. Одно сообщение.

Я взяла его. Детектив.

«Адрес: Краснодар, улица Северная, 41. Карина будет дома в субботу вечером. Один. Он уезжает в воскресенье утром.»

В субботу вечером.

Я улыбнулась в темноте.

— Так вот ты где живёшь, Карина, — прошептала я.

Муж перевернулся на другой бок. Пробормотал: «Мир, иди спать».

Я закрыла глаза.

Спать я не собиралась.

Я собиралась на охоту.

Глава 3. Внутри неё. Часть первая

Суббота наступила быстрее, чем я успела придумать план.

Хотя какой план? Подкрасться к её подъезду, нажать на звонок и сказать: «Здравствуйте, я жена того мужчины, с которым вы спите, давайте поговорим»? Слишком пафосно. Слишком по-киношному. В жизни такие сцены выглядят жалко.

Жена всегда выглядит жалко.

Даже если она одета в кожаную куртку и туфли на шпильке. Даже если она не плачет. Даже если у неё в сумочке лежит конверт с рыжим волосом и чек от частного детектива.

Жена — это та, кого обманывают. Любовница — та, ради кого обманывают. Разница в статусе, но не в боли.

Хотя нет. Вру.

Любовница не теряет годы. Любовнице не нужно делить бюджет на ремонт в ванной и новые шторы. Любовница не гладит рубашки, с которых потом стирает чужую помаду.

У любовницы есть привилегия не знать, каково это — засыпать рядом с мужчиной, который перестал тебя касаться.

Я солгала мужу про маму. Собрала маленькую сумку — джинсы, свитер, сменное белье. Села в машину в субботу утром.

— Перезвони, когда доедешь, — сказал он, целуя меня в щеку. Его губы были холодными. Или моя кожа перестала чувствовать тепло.

— Обязательно, — кивнула я.

Я выехала со двора. На светофоре остановилась. Достала телефон. Адрес детектива горел на экране: улица Северная, 41. Краснодар. Четыре часа езды.

Я не поехала к маме.

Я поехала к ней.

Дорога была серой. Небо — низким, как потолок в дешёвой съёмной квартире. Я включила музыку — что-то грустное, без слов. Только ритм, пульс, гул моторов встречных машин.

Я думала о том, что скажу.

"Ты знаешь, что он женат?" — знает.

"Тебе не жаль?" — ей всё равно.

"Что ты в нём нашла?" — то же, что и я шесть лет назад.

Бесполезные вопросы. Я задавала их себе всю дорогу. Ответов не было.

Она не была чудовищем. Судя по фотографиям — обычная женщина. Длинные волосы, тонкие пальцы, дорогая сумка. На одной из фотографий, которую прислал детектив, она покупала кофе. Просто стояла у стойки, рыжая, в белом пальто, ждала свой капучино.

Убить её взглядом не получится.

Она даже не посмотрит в мою сторону.

Я приехала в Краснодар в два часа дня. Нашла улицу Северную. Сорок первый дом — старая сталинка с высокими потолками и лепниной на фасаде. Дорогой район. Деревья во дворе. Её машина — белый мини-купер — стояла у подъезда. Номерной знак я запомнила по отчёту детектива.

Я припарковалась напротив. Села так, чтобы видеть подъезд. Выключила двигатель.

И стала ждать.

Часы тянулись, как жвачка. Я пила кофе из термоса, который взяла с собой. Смотрела на окна. Четвёртый этаж. Шторы — белые, почти прозрачные. Иногда за ними мелькала тень.

Она была дома.

Он должен был приехать вечером. Детектив сказал: «Они встречаются у неё. Он приезжает около восьми, уезжает около часа ночи или остаётся до утра».

Восемь.

Сейчас было четыре.

Я сидела. Смотрела. Ждала. В зеркало заднего вида увидела своё лицо. Бледное. Чёрные круги под глазами — не спала третью ночь подряд. Волосы собраны в хвост. Никакой косметики.

Захотелось выглядеть красивее. Чтобы она, увидев меня у порога, испугалась не ссохшейся домохозяйки, а женщины, которая может забрать своё.

Но какая разница?

Она видела меня. Наверняка видела. В его телефоне, наверное, есть наши с ним фотографии. Он показывал ей меня. Говорил: «Это моя жена». А она кивала и думала: «Какая скучная».

Я завела машину. Поехала искать гостиницу.

Сняла номер на окраине. Дешёвый, с коричневыми обоями и запахом табака. Легла на кровать, уставилась в потолок.

Зазвонил телефон. Муж.

— Как дела у мамы? — спросил он.

— Хорошо, — я врала, глядя в пятно на потолке. — Готовит свой фирменный пирог.

— Передавай привет, — сказал он.

— Обязательно.

— Я скучаю, — это прозвучало механически. Как заученная фраза. Он говорил её так часто, что она потеряла смысл.

— Я тоже, — ответила я.

Мы помолчали. Тишина была плотной, как бетон.

— Ты какая-то странная, — сказал он.

— Устала с дороги.

— Отдохни. Целую.

— Пока.

Я сбросила вызов. Села на кровати. Взяла конверт с рыжим волосом из сумочки — я везла его с собой как талисман. Открыла. Достала волос. Покрутила между пальцами.

— Сегодня, — сказала я вслух. — Сегодня я посмотрю тебе в глаза.

В семь вечера я снова сидела в машине напротив её дома. Темнело. В окнах зажёгся свет. Она задернула шторы — теперь не было видно даже силуэтов.

В 19:45 к подъезду подъехало такси.

Из машины вышел он.

Мой муж.

Серая куртка. Джинсы. В руках — пакет. Вино? Цветы? Или что-то более интимное — десерт из той пекарни, которую она любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.